

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 1:37(47)
ББК 87.3(2)522:74.03(2)

< ЛЕКЦИЯ ВЛ. СОЛОВЬЕВА, ПРОЧИТАННАЯ ИМ 28 МАРТА 1881 ГОДА В ЗАЛЕ КРЕДИТНОГО ОБЩЕСТВА >

Публикация С.Б. РОЦИНСКОГО

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: rotsinsky@bk.ru

Публикуется текст не печатавшейся ранее записи лекции Вл. Соловьёва, прочитанной им 28 марта 1881 года и знаменитой тем, что в ней философ призвал царя Александра III помиловать убийц его отца. Запись, принадлежавшая М.Н. Воскресенской, заведовавшей в 1900-е годы Юрьевской женской гимназией, найдена кандидатом философских наук О.К. Иванцовой в Госархиве РФ. Текст лекции сопровождается комментарием видного библиофила Ю.С. Вейцмана, владельца берлинского антиквариата «Россика». Публикация открывается вступительным словом С.Б. Роцинского, где он не только высказывается по поводу самой лекции В.С. Соловьёва, но и высоко оценивает роль Ю.С. Вейцмана в формировании и исследовании личных библиотек русского зарубежья и в развитии отечественного библиофильства, среди бумаг которого и была найдена запись публикуемой лекции.

Ключевые слова: лекция Вл. Соловьёва, просвещение в России, духовный идеал, нигилизм, терроризм, помилование, милосердие, личное просвещение, народная вера.

VL. SOLOVYOV'S LECTURE OF MARCH 28, 1881, GIVEN IN THE HALL OF THE CREDIT UNION

S.B. ROTSINSKIY

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russian Federation
E-mail: rotsinsky@bk.ru

A previously unpublished transcript of Vl. Solovyov's lecture, read on March 28, 1881. The content of the lecture is already well-known due to the fact that in it the philosopher asks Tsar Alexander III to forgive the murderers of his father. The transcript belongs to the pen of M.N. Voskresenskaya, who was the head of Yuryevskaya Girls' School in the 1900s. It was discovered by O. K. Ivantsova in the State Archive of the Russian Federation. The text is accompanied by a commentary by the eminent bibliophile Yu.S. Weizmann, the owner of the Berlin antique house «Rossika». It is preceded by an introduction by S.B. Rotsinskiy in which he discusses not only the lecture itself but also the crucial role of Yu.S. Weizmann in the creation and exploration of the personal libraries of the Russian diaspora as well as in the development of Russian bibliophilia, which allowed for the preservation and eventual discovery of the published text.

Key words: V. Solovyov's lecture, enlightenment in Russia, spiritual ideal, nihilism, terrorism, forgiveness, charity, personal enlightenment, public faith.

Лекция Вл. Соловьёва, прочитанная им 28 марта 1881 года в зале петербургского Кредитного Общества, стала важной вехой не только в жизни самого философа, но и явилась заметным событием в общественно-политической жизни России. Причиной тому стала заключительная часть лекции, в которой Соловьёв призвал царя Александра III помиловать убийц его отца. Призыв этот прозвучал в дни, когда Россия еще не успела оправиться от потрясений, вызванных жестоким убийством Александра II, и это добавило скандальной остроты публичному выступлению молодого философа.

Речь в лекции шла о просвещении в России, результат которого философ расценивал негативно. Он считал, что личное просвещение, нашедшее свое крайнее выражение в материализме и нигилизме, привело к отчуждению его от народной веры. Безусловная правда, которую безуспешно ищет и требует личное просвещение, находится именно в народной вере, которой определяется все духовное содержание народной жизни. И если царь действительно является высшим носителем духовного идеала своего народа, то идеальные начала народной жизни он должен ставить высшим началом собственной жизни. Основу же такого идеала составляют истины, заключенные в учении Христа, в том числе милосердие к грешникам. Объясняя после лекции суть своей позиции в записке Петербургскому градоначальнику Баранову и в письме царю Александру III, Вл. Соловьёв доказывал, что, предлагая помиловать террористов, он вовсе не пытался оправдать их преступное деяние, а старался заявить о высшей духовной силе христианского начала всепрощения, которая содержится в народной вере, верховным выразителем которой призван являться русский царь.

Подлинного текста этой лекции, написанного рукой самого Вл. Соловьёва, не существует, к своему выступлению он ограничился только подготовкой тезисов, озаглавленных «Программа публичных чтений о ходе русского просвещения в настоящем столетии». Должно было состояться три таких чтения, но вторая лекция, закончившаяся неожиданным обращением лектора к царю, сделала эти вторые чтения последними. И не только для названной программы. Получив настоятельную рекомендацию воздержаться от публичных выступлений, Соловьёв, прочтя еще несколько учебных лекций в университете и на женских курсах, замолчал на целых восемнадцать лет.

В этом номере публикуется текст записи лекции Вл. Соловьёва, найденный московским историком отечественной философии, кандидатом философских наук Ольгой Константиновной Иванцовой в фондах Государственного архива Российской Федерации среди бумаг Ю.С. Вейцмана (ГА РФ, ф. 5881, оп. 1, д. 129, л. 1–12). Запись эта оказалась, что называется, находкой вдвойне. Потому что и Ю.С. Вейцман, в свою очередь, обнаружил ее, разбирая библиотеку В.А. Воскресенского. А принадлежала эта запись («судя по почерку», как пишет Ю.С. Вейцман) Марье Николаевне Воскресенской, заведовавшей в 1900-е годы Юрьевской женской гимназией.

Сегодня вряд ли можно с достоверностью установить, была ли Марья Николаевна непосредственной слушательницей лекции Вл. Соловьёва или же ее запись сделана с другого источника. В любом случае в удостоверении ценности этой записи есть все основания довериться Ю.С. Вейцману, доказавшему вы-

сочайшую профессиональную ответственность в работе с материалами подобного рода.

Несколько слов об этом человеке. Юлий Сигизмундович Вейцман – видный библиофил, собиратель и обладатель ценнейшей библиотеки, включавшей многие раритеты и автографы. Эмигрировав в 1919 году из Москвы в Берлин, он основал там антикварный книжный магазин «Россика». Деятельность Ю.С. Вейцмана выходила далеко за рамки коммерции и играла заметную роль в формировании и исследовании личных библиотек русского зарубежья и в развитии отечественного библиофильства за рубежом. За период существования «Россики», в 1921–1932 гг., было выпущено 23 каталога, включавших обширнейший перечень букинистической литературы, пользовавшейся спросом в кругу русских эмигрантских интеллектуалов. Эти каталоги и сегодня имеют большое историко-культурное значение для изучения распространения русской книги за рубежом.

Говоря в своих заметках о лекции Вл.Соловьёва и ее последствиях, Ю.С. Вейцман сетует на то, что биографы философа незаслуженно мало уделяли внимания этим событиям. Тем не менее и содержание лекции, и характер той реакции, которую она вызвала у представителей разных слоев петербургского общества, сегодня хорошо известны. На дополнительные сведения об этом событии указывает сам Юлий Сигизмундович в своем предисловии к речи Соловьёва (примечание 4). К.В. Мочульский в своей книге о Вл. Соловьёве, изданной в 1934 г. в Париже, посвящает этому событию специальную главу, озаглавленную «Перелом в жизни Соловьёва: речь о смертной казни». Интересные и во многом новые сведения содержатся в исследованиях данного вопроса Н.В. Котрелева и Е.Б. Рашковского, помещенных в 1-м томе двухтомного собрания сочинений Вл.Соловьёва (М., 1989). Они содержатся здесь в просторном примечании, относящемся к тексту данной лекции, напечатанному в этом томе по хранящейся в архиве К.Н. Бестужева-Рюмина (ИРЛИ, ф. 25.244, л. 9–12) записи неизвестной слушательницы лекций Соловьёва. Эта же запись, подвергнутая редакторской правке («порочу необоснованной», как отмечают авторы вышеуказанного примечания), была опубликована П.Е. Щеголевым в мартовском номере издаваемого им журнала «Былое» за 1906 год. В издании 1989 года даются два фрагмента еще одной записи этой лекции, найденные в записной тетради В.Е. Чехихина-Ветринского (ЦГАЛИ, ф. 553.1.1084, л. 15–16).

Несомненно, Ю.С. Вейцман высоко оценил значение найденной записи: он переписал ее аккуратным почерком в формате, явно предназначенном для публикации, которая, видимо, по каким-то причинам не состоялась. После заголовка «Речь Влад. Соловьёва 28 марта 1881 г.» он поместил в виде предисловия собственные заметки об этой речи, а затем текст записи самой лекции. (В таком порядке эти материалы публикуются и в настоящем выпуске «Соловьёвских исследований». – *Ред.*). Самим Юлием Сигизмундовичем автограф не датирован, но на последнем его листе стоит служебная отметка архива: «18. VIII. 1925».

С.Б. Роцинский

РЕЧЬ ВЛАД. СОЛОВЬЕВА 28 МАРТА 1881 Г.

Разбирая в антикварном книжном магазине «Россика» библиотеку В.А. Воскресенского, я нашел в одной книге запись лекции Вл.Соловьёва, произнесенной им 28 марта 1881 г. в зале Кредитного Общества, принадлежащую, судя по почерку, Марье Николаевне Воскресенской, бывшей в 1900-х годах начальницей Юрьевской женской гимназии А.С. Пушкина.

Биографы¹ Вл.Соловьёва мало останавливаются как на содержании самой лекции, служащей «заключением к публичным лекциям о литературном движении XIX в.»², так и на последствиях ее в жизни нашего философа. 28-летний приват-доцент, для которого несколько лет профессорской деятельности были бы более чем благотворны, *volens nolens* выходит из университета в «бурное литературное море», и наступает для него длинный период *Wanderjahre**, окончившийся лишь на диване кн. С.Н. Трубецкого предсмертными словами: «Трудна работа Господня».

Речь 28 марта, с одной стороны, странно-бестактная в политическом отношении, с другой стороны, неизбежная для Вл.Соловьёва, человека, живущего единственно осуществлением своих верований и глубоких убеждений, является законченным философским построением, основным тезисам которого Вл.Соловьёв всегда оставался верен. В своей речи он, как и ожидал этого от «царя и самодержца России», должен был «заявить на деле, что он прежде всего христианин», что «мы служим единому Богу – Богу любви». Он не защищал революционеров и не осуждал существующий государственный строй, он говорил как пробудитель религиозно-нравственных чувств – во имя Бога любви и правды. Он верил в идеал правды на земле, в русского царя как представителя этой правды у русского народа и, как человек убежденный, что «если безумно не верить в Бога, то еще безумнее верить в Него наполовину»³, не мог не высказать накопившихся в душе мыслей.

«Не мы призваны судить; всякий судится и оправдывается собственными решениями и действиями», – говорит Вл. Соловьёв, и в его словах о решении царя уже чувствуется тревога за будущее своей родины, тревога, которую он в 1895 году выразил словами:

О, Русь! в предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса иль Христа?

Лекция Вл.Соловьёва 28 марта «Критика современного просвещения и кризис мирового процесса» (в нашей записи заглавия нет) напечатана в журнале «Былое» за 1906 г. в мартовской книжке под заглавием «Событие 1-го марта и Владимир Сергеевич Соловьёв» (под ред. П.Щ.(еголева))⁴. Но, во-первых, номер этого журнала стал теперь редкостью, во-вторых, сравнивая обе записи, мы должны признать, что наша (особенно в первой половине речи) многим полнее имевшейся у П.Щеголева, и, наконец, что самое главное, в тексте, напечатанном

в «Былом», не хватает начала лекции (она начинается лишь со слов «Личное просвещение, крайнее выражение которого...»), из-за чего, конечно, речь теряет свою архитектурную цельность.

В отличие от текста «Былого» в нашей записи отсутствует следующая фраза (перед строчкой «Царь не есть распорядитель грубой физической силы»): «В прошлое воскресение на этом самом месте вы слышали красноречивое изложение идеи царя⁵ по народному воззрению. Я с ним согласен (иначе я бы и не указывал на него). Скажу только то, что то, что говорилось, не было доведено до конца. Истинная мысль не была досказана. Беру на себя смелость ее досказать».

Ю.С. Вейцман

Примечания

¹ В. Величко. Влад. Соловьев. Жизнь и творения. СПб., 1902. С. 36–37; С. 678–679. Э. Радлов. Влад. Соловьев. Жизнь и учение. СПб., 1913. С. 17–18. (Здесь и далее – нумерованные примечания Ю.С. Вейцмана.)

² К. Арсеньев. Соловьев Вл. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XXX. С. 785.

³ Соловьев В. Чтения о Богочеловечестве / собр. соч. Влад. Соловьёва (1902). Т. III. С. 107.

⁴ Поправки и дополнения: «Былое» 1907 г., март. С. 306–307; Письмо в ред. Л. Слоимского и «Былое» 1918 г., март. С. 330–336; Событие 1-го марта и Влад. Соловьев. Новые документы.

⁵ Из речи И. Аксакова, а не К. Бестужева-Рюмина, как ошибочно указано в № 3 журн. «Былое».

* Wanderjahre – годы странствий (нем.). (Примеч. ред.).

< ЛЕКЦИЯ ВЛ. СОЛОВЬЕВА, ПРОЧИТАННАЯ ИМ 28 МАРТА 1881 ГОДА В ЗАЛЕ КРЕДИТНОГО ОБЩЕСТВА >*

Истина каждого отдельного человека – в народе, народа – в человечестве, человечества – в Боге. Но чтобы найти это, нужно было сначала отделиться личности от народа, народу от человечества, человечеству от Бога. И это случилось. Человечество отделилось от Бога и распалось на отдельные национальности еще в доисторические времена, личность же отделилась от народа во время, доступное нашим взорам. Отделившись, личность стала искать причины и цели своего существования, старалась познать мир и самого себя; она искала ее в чувстве (мистицизм), разуме (рационализм) и окружающей природе (материализм) и не нашла ни в том, ни в другом или в третьем, потому что истина отдельной личности в народе и задача ее, отыскав эту истину, сознательно и свободно возвратиться к народу, чтобы стать его истолкователем и руководителем.

Но отделение личности было необходимо, потому что этим только путем она могла познать народ и себя, только отделившись от народа и себя, отойдя, она могла рассмотреть и то, и другое. Три вышеуказанные фазы развития лич-

* Орфография и пунктуация сохранены по найденной записи лекции Вл. Соловьёва.

ного просвещения прошло и наше общество, но личное просвещение, крайнее выражение которого в последнем фазисе развития – материализме – представляет нигилизм, приходит к вопиющему противоречию между требованием безусловной правды и невозможностью ее осуществить в действительности. То, чего ищет и требует личное просвещение, находится в народной вере. Личное [просвещение] требует: 1) безусловной правды, но заявляя это требование, оно само не верит в нее; оно знает, что есть истина, знает и где искать ее, но не верит в нее; народ же знает истину и верит в нее инстинктивно, бессознательно – но верит. Если бы личное просвещение верило этой правде, оно верило бы и тому, что она сильнее неправды, что она может и должна осуществиться своей собственной силой, а не чуждыми ей средствами и насилиями. Для того, чтобы внутренняя правда могла осуществиться во внешней действительности, надо, чтобы эта правда была правдой в себе самой, и эта-то правда, сама по себе существующая, суцая правда – есть Бог. Если неправда лежит в обособлении человека, в выделении его из связи с целым, то правда состоит в единстве всего со всем, и такое единство, объемлющее все существующее, – есть Бог. Личное просвещение отвергло Бога и хорошо сделало. Бог, отвергнутый просвещением, не есть Бог народной веры. Бог народный не есть ни отвлеченный Бог метафизической теологии, ни внешний Бог мистицизма; народ верит в живого Бога, который проникает во все, которым все живет; в Бога, который составляет единство всей природы. Такой Бог не только не отвергается личным просвещением, не только не отрицается разумом и наукой, но напротив, требуется ими. Разум и наука не только не отвергают единства всего, но еще доказывают неразрывную связь, целостность всего, – а если принять, что в мире все едино, цело и целесообразно, но не как в живом организме, а как в машине, то ведь каждая машина предполагает машиниста, а если весь мир машина, то машинисту нет места, и, следовательно, мир не есть единство механическое, – а живое, органическое единство, – и это единство есть Бог.

Далее: 2) личное просвещение заявляет безусловное право и требование на безусловное значение личности, но само не верит в него, потому что не может оправдаться. Народ же верит в него, потому что верит в действительную и безусловную личность Христа, которая самым делом оправдала свое безусловное право, которая на самом деле оказалась сильнее всякой неправды, всякой внешней случайности, всякого природного начала, сильнее греха и смерти. Личное просвещение отвергло и Христа, но опять-таки Христос, отвергнутый личным просвещением, не есть Христос народной веры. Народ верит в Христа не как в историческую личность, явившуюся в известное время, жившую при известных условиях и, следовательно, как бы случайную, а в Христа как в воплощение божественного начала, божества в человеке; того живого начала, которое может и должно во всех воплотиться после Христа; народ видит свой идеал в Христе, потому что Христос есть высший идеал человека, но истина и этой народной веры в Христа не уничтожит просвещение.

Наконец, в-третьих, личное просвещение ставит задачей осуществление абсолютной правды во внешней действительности, человеку и во внешнем мире, невозможность этого осуществления личное просвещение отвергает, потому

что это личное просвещение в последнем своем развитии приходит к материализму, который считает внешнюю природу и мир случайною совокупностью частей, которая сама по себе равнодушна к абсолютной правде, к идее этой правды, к безусловной истине и безусловному содержанию; если такова внешняя действительность, то какая же абсолютная правда может в ней осуществиться?

Народ верит в природу, но не смотрит на нее как на случайную совокупность элементов; он признает, что сама эта природа имеет стремление к безусловному единству, к абсолютному, к правде, которая должна в ней осуществиться. Народ верит, что правда, внешний мир и человечество имеют единую душу и что душа стремится осуществить в себе и из себя Божество. Эта душа стремится воплотить в себе Божественное начало, стремится родить в себе Божество; – народ верит в Богородицу. Конечно, эта Богородица не есть та, которую отвергает просвещение, начиная с протестантизма, – нет, по народной вере Богородица, как и Христос, есть начало вселенское, мировое, – это есть душа мира, первая материя, мать всего существующего, которая от низших форм материального бытия переходит в человечество и в душу человеческую, которая стремится воплотить в себе Божественное начало, осуществить, родить его.

Итак, народ верит: 1) в существование вечной правды, верит в живого Бога; 2) в безусловное человеческое начало в Боге, в безусловную человеческую личность, верит в Христа и 3) верит в присутствие Божественного начала как вечного стремления во всей природе, верит в Богородицу и этою верой определяется все духовное содержание народной жизни, все идеалы народа. Народ не довольствуется признанием идеалов; в нем как в интеллигенции живет стремление – признанное за истинный идеал перенести в жизнь, в свою неистинную, неидеальную действительность, – и на свое земное существование народ смотрит как на форму, на средство осуществления Божественного начала на земле.

Но пока идея абсолютной Божественной правды не осуществилась в нас, пока все мужчины не сделались Христами и женщины Богородицами, народ признает и будет признавать внешнюю форму; он живет в государстве и не признает существования вне государственной среды, но никогда не признает он и никогда не признавал государства как чего-то самостоятельного, равноправного с его идеальным существованием. Для народа все внешние формы являются как подчиненная среда, как средство для осуществления идеала в жизни, и в представителе государства, в своем царе он видит не политического только вождя, не представителя внешнего закона как чего-то самостоятельного, а носителя и выразителя своего духовного идеала, своей жизни и идеи, своего существования.

Царь не есть распорядитель грубой физической силы для осуществления внешнего закона, но выразитель внутренней правды. Если же царь есть действительно выразитель всего существа и преимущественно существа духовного своего народа, то он должен твердо стоять на идеальных началах народной жизни: то, что народ считает высшей нормой своей жизни и деятельности, то и царь должен ставить верховным началом жизни.

Для нового представителя царской власти наступает время на деле оправдать свои притязания на верховное водительство русского народа. Сегодня судятся и вероятно будут осуждены на смерть цареубийцы, но царь может про-

стить и должен простить их, если он действительно вождь народа русского, если он, как народ, не признает двух правд, если он признает за правду только правду Божию, которая говорит: «Не убий». Если еще можно допустить убийство как частное исключение для самообороны, то холодное, обдуманное убийство безоружного человека, называемое смертною казнью, претит душе народа. Великая для царя теперь минута самоосуждения или самооправдания. Пусть царь и самодержец России заявит на деле, что он прежде всего христианин, а как вождь христианского народа он должен быть христианином.

Не от нас зависит это дело и не мы призваны судить царя; всякий судится и оправдывается собственными решениями и действиями, но если государственная власть отречется от Христова начала, если она произвольно вступит в кровавый круг взаимных убийств, то мы выйдем из него, отстранимся от него.

В мире борются два зла, два злых начала: одно из них начало хаоса, греха; другое – внешнего закона, который силится подавить грех, но никогда не успеет, потому что не имеет внутренней силы, может только давить. Но есть третье начало, сильнейшее: это начало внутренней правды, начало благодати, в которой разрешаются и упраздняются и грех, и закон. Русский народ всегда, с самого начала своей истории, бессознательно держался этого третьего начала; признаем же его и мы как такое, примем его сознательно, скажем решительно и громко заявим, что мы стоим под знаменем Христа и служим единому Богу – Богу любви.

Тогда, познав и, следовательно, уже свободно приняв его идеал, мы войдем в единение с народом, разъясняя народу его истину и указывая путь к ее достижению. Тогда народ узнает в нашей мысли свою душу, увидит свой собственный свет, услышит в наших словах свой голос; и поймет нас, и пойдет за нами.